

фантастическая
история

МОСКВА, 2012

фантастическая
история

Алексей Вязовский
Сэнтокү ДзигаЙ.
Эпоха Воюющих
провинций

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
В99

Вязовский А. В.

В99 Сэнгоку Дзидай. Эпоха Воюющих провинций: Фантастический роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. — 313 с.: ил.— (Фантастическая История).

ISBN 978-5-9922-1314-0

Сильнейшее землетрясение в Токио оказалось роковым для российского студента, работавшего по контракту в японском банке. После удара по голове его сознание перемещается в 1538 год, в тело сына японского дайме (князя). Главный герой с самого начала угодил в безвыходную ситуацию: отец убит самураями конкурирующего клана, дядя собирается захватить власть в провинциях, принадлежащих дому Сатоми, на границах домена стоят вражеские войска, иезуиты плетут интриги, в свите наследника действует знаменитый шпион-синоби по имени Хандзо... Что будет с простым русским парнем в Стране восходящего солнца, цветущей сакуры и коварных ниндзя? Выживет ли изнеженный и избалованный «белый воротничок» в жестокую эпоху Воюющих провинций?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1314-0

© Вязовский А. В., 2012
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Уважаемые читатели! Вы держите в руках книгу в жанре альтернативной истории. Мой роман посвящен Японии, а точнее, что бы было с этим островным государством, попади туда в 1538 год наш современник. Не ждите от романа стопроцентной аутентичности, некоторые события я сдвинул во времени (например, год «открытия» Японии португальцами), какие-то локации переместил в пространстве, с какими-то названиями и историями немного наврал (например, с эпосом о Яцуфусе), исторических персонажей слегка перетасовал, но в остальном обещаю — будет интересно. Гейши, самураи, суши, сумо — в общем, полный японский набор.

P.S. В романе много японских имен и названий. Пользуйтесь Глоссарием в конце книги.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1 ПРИБЫТИЕ

Не бойся немного согнуться — прямее выпрямишься.

Японская пословица

— Саёнара¹, Арексей-сан. — Сосед по рабочему столу Исидо Оути выключил монитор и с коротким поклоном попытался просочиться сзади моего кресла.

Но так как в нашем банковском дилинге² места совсем мало и кресло стояло почти вплотную к стене, мне было достаточно немного откинуться назад, чтобы зажать субтильного Исидо.

— Саёнара, ИПидо-сан! — Громко, на весь торговый зал, я выделил несуществующую букву «П» в имени японца.

Мой коллега, все-таки протиснувшись мимо кресла, наставил на меня указательный палец³:

— Я несколько раз просил не коверкать мое имя. Стажер должен иметь уважение к старшему аналитику. Тем более...

— Тем более что меня зовут Алексей, а не Арексей, — невежливо прервал я поучения соседа.

Весь дилинг, тридцать человек, напряженно прислушивался к нашей перепалке, хотя все делали вид, что за-

¹ До свидания (*яп.*).

² Специальное помещение с торговыми терминалами, где работают дилеры банков.

³ Указывать пальцем в Японии считается неприличным, так же как сморкаться, показывать зубы и т. д.

няты совершением операций с клиентами. Все дело происходило на сорок втором этаже крупнейшего токийского банка Mitsubishi. Да, того самого «Мицубиши», который известен в России своими автомобилями «паджеро», «лансерами» и прочими «аутлендерами». Но крупнейшие японские корпорации уже давно производят не столько машины, электронику и различное оборудование, сколько... деньги. Вернее, даже не деньги, а то, что можно использовать как деньги, — деривативы. Это такие финансовые инструменты — опционы, фьючерсы, свопы, которые мировые банки активно изобретают, эмитируют и, по-другому не скажешь, впаривают своим клиентам и партнерам. Эти «деньги» можно закладывать под кредиты, использовать для различных расчетов, именно им мы обязаны началу мирового финансового кризиса. Деривативом может быть что угодно. Ставка на будущий курс акций, стоимость нефти, даже погоду. Хотите застраховать себя от холодной зимы в Москве? Добро пожаловать в Bank of Tokyo-Mitsubishi — Алексей Афанасьев (это я!) с удовольствием продаст вам погодный фьючерс. Зачем вам погодный фьючерс? Ну, например, вы подмосковный фермер (ха-ха, такие еще есть?) и боитесь, что ваши озимые (посаженные на месте снесенного торгового центра — еще раз ха-ха) померзнут, а в результате вы недополучите урожая. От этого риска можно застраховаться, установив минимальную и максимальную температуру в погодном фьючерсе. Будет холоднее — банк вам покроет убытки. Теплее? Теперь уже вы банку должны. И поверьте, банку вы будете должны чаще, чем банк вам. Вот примерно так все это и работает.

— Я извиняюсь, но в японском языке нет звука «эл», — «р-р-ры» опять получилось у Исидо.

Услышав нашу перебранку, из своего закутка-кабинета выглянул начальник, Большой Босс. Его, конечно, не

Большой Босс зовут, и роста шеф-дилер вовсе не огромного — полтора метра максимум. Но уж больно Окихира Мацуда похож на главного злодея из знаменитого фильма Брюса Ли. Та же челочка на голове, закрывающая плешь, усы подковой, костюм-тройка. Тут в Японии вообще невозможно представить офисного служащего не в костюме. Прийти в дилинг без брюк, рубашки, галстука и пиджака — осрамиться на весь Токио.

— Оба в мой кабинет, — махнул нам рукой ББ.

Делать нечего, я поставил на паузу торгового робота, ради которого, собственно, сегодня и задержался на работе, и вслед за Исидо зашел в кабинет начальника.

Япония — очень маленькая страна. Тут сто двадцать шесть миллионов жителей живут на территории меньше нашей Камчатки. Для сравнения — сто сорок три миллиона россиян расселились на тридцати шести Камчатках! Прямо скажу — японцы живут на головах друг у друга. Это проявляется во всем. В токийском метро есть специальная должность — заталкиватель пассажиров в вагоны поезда. Сотни тысяч японцев периодически живут в отелях-капсулах, где весь номер — это пенал два метра на полтора, однако вмещающий в себя откидной столик, кровать, телевизор и еще мебели по мелочи. Вот и кабинет Мацуды был крохотный. Человек, зарабатывающий пару миллионов долларов в год, ютился в комнатке, больше похожей на кладовку. Два стула для посетителей, маленький стол, жалюзи, встроенный шкаф да миниатюрное дерево бонсай на подоконнике. Единственное, что меня примиряло с этим аскетизмом, — огромный двухметровый 3D-монитор, встроенный в стену. Монитор управлялся с голоса и сейчас транслировал графики основных валютных пар.

— Исидо-сан, — Окихира приглашающе указал на левый стул, — уже месяц, как я просил вас помириться с

господином Афанасьевым. Я понимаю, что есть трудности в произношении его имени, но мы все вместе договорились называть нашего стажера просто Кенсусэ¹-сан.

— Теперь вы, Афанасьев. — Мне Большой Босс присест не предложил, и я остался стоять. — Банк «Мицубиши» оказал вам огромную честь и пригласил пройти практику в лучшем финансовом учреждении Страны восходящего солнца...

Боже, как пафосно. Сейчас начнется:

«Когда я был маленьким, у меня тоже была бабушка. Но за все эти годы я не смог огорчить ее до смерти. А он — смог!» — Хочу ли, чтобы мне сейчас устроили выволочку, как Иночкину из фильма «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен»? Риторический вопрос. Не хочу. Что же делать? Тем временем Окихира продолжал вещать:

— ...Отобрали из тысячи студентов старших курсов! Мы отказали родственникам высокопоставленных сотрудников российского отделения банка, оплатили ваш перелет и проживание в Японии, дообучение японскому языку — все ради того, чтобы по окончании стажировки вы стали настоящим алмазом в короне нашей финансовой империи. И что же мы видим?

Бла, бла, бла... Черт, когда же он закончит свою ритуальную порку? Японец без ритуала — не японец. Все в этой стране формализовано до запятой. Выговор — это выговор, а не прощающий хлопок по плечу. Поощрение? Тоже не извольте беспокоиться, есть заведенный порядок. Весь дилинг собирается вместе, кланяются, благодарят за успех, тебе вручают конверт с премией, фотографируют с Большим Боссом на Доску почета. Да что фотографии, тут даже свой гимн есть. И не просто

¹ Стажер (яп.).

для галочки, а каждое утро врубают колонки по всему зданию, и сотрудники, мужчины и женщины, стоя поют что-то типа:

Учиться банковскому делу
Я с самых малых лет хотела...

И так из года в год. Работу тут менять не принято, до сих пор кое-где существует практика пожизненного найма. Так что общее впечатление от моей двухмесячной стажировки в Японии — это страна биороботов, со своим кнопками включения-выключения... Каждый чих прописан в правилах, на каждый случай есть своя инструкция. Жить, конечно, комфортно и безопасно, но лучше уж я вернусь на последний курс МГУ, закончу вуз и начну какой-нибудь бизнес, где стану сам себе хозяином, чем стоять и выслушивать эти заунывные мантры. Дабы их побыстрее прекратить, я решил сделать ритуальный, униженный поклон. Если ты очень виноват, то единственный способ выразить это в Японии — поклон буквой «Г». Нагнуть туловище на девяносто градусов и замереть, повторяя вслух примерно следующее: «Мосивакеаримасен»¹.

Мои полтора босса встают, отдают формальный, он же приветственный и прощальный, поклон в пятнадцать градусов (бывает еще поклон глубокого уважения — сорок пять градусов) — и отбывают из офиса домой. Я же, напевая песенку «Мы не сеем, мы не пашем, мы на крыше... э... флагом машем», возвращаюсь на свое рабочее место, где меня ждет мой торговый робот. Это такая компьютерная программа, которая сама торгует на разных биржах, без участия человека. Собственно, благода-

¹ Извините (яп.).

ря именно ей я и попал в крупнейший японский банк, да еще сразу в дилинг — святая святых кредитного учреждения. На предпоследнем курсе экономфака университета я увлекся алгоритмическим трейдингом. Написал программу под названием «Иван Калита» (да, тот самый князь, собиратель земель русских, ходивший с денежной сумкой — калитой). Поучаствовал в конкурсе, который проводила токийская фондовая биржа (благо в МГУ четыре года учил японский), да так поучаствовал, что занял первое место с доходностью шестьсот семь процентов годовых. Да, вы не ослышались — именно столько, к моему собственному удивлению, заработал Ваня. Правда, оперировал я небольшой суммой — три тысячи долларов (двести сорок тысяч иен) — все, что смогли собрать мои родители для развлечения сынули, — так что озолотиться сам и озолотить родных я не успел. Однако в определенных кругах засветился, был приглашен на банковский форум с докладом, где меня и «подобрали» скауты «Трех орехов» — именно так переводится фамилия основателя «Мицубиши» (хотя пиар-служба, ясен пень, утверждает, что это — «Три брильянта»).

Ах, мистер Афанасьев, вы — финансовый гений, ваше место — на экономическом Олимпе, и этот Олимп находится вовсе не в Греции, а недалеко от горы Фудзи. А конкретнее — сорок второй этаж небоскреба в Токио. Полное обеспечение, все за наш счет, только пишите ваши замечательные программы.

Кто же знал, что от перемены мест слагаемых меняется результат? Сам я из Челябинска, в Москве в общаге не сказать чтобы шикавал. Подрабатывал по вечерам в брокерской компании, встречался с девчонкой-коллегой, жил от зарплаты до стипендии. Но какая-то жилка в моей жизни билась, рождались новые идеи, общался с интересными людьми. Думал, Япония и «Мицубиши» —

вообще закинут меня в космос. В двадцать четыре года стану новым Соросом или Баффетом¹. Мне главное — рычаг получить или, выражаясь на финансовом слэнге, плечо. Ага, держи карман шире. Никто тут плечо мне подставлять не собирался. Япония — очень закрытая страна. Стать своим — сделай себе хоть пластическую операцию на узкоглазие — невозможно. А мир чистогана накладывал еще один неприятный отпечаток. В дилинге работали не коллеги, а конкуренты. Каждый сотрудник замотивирован на индивидуальный финансовый результат. Командной работы нет и быть не может. Увести клиента у соседа — святое дело. Подставить со сделкой и впарить мусорные облигации? Ничего проще. Леша, ты хотел космоса? Получай равнодушный вакуум человеческих отношений, презрительные взгляды в спину (еще один гайдзин² как приедет, так и уедет ни с чем) и одиночество огромного города.

Смотрю на часы. Их у нас в дилинге пять штук — японское время, московское, Франкфурт, Лондон, Нью-Йорк — четверть одиннадцатого, за окном уже ночь. Дилинг полупустой — осталась дежурная смена да еще пара человек. Все заняты, головы уткнулись в мониторы, никто балду не пинает, в «Энгри бёрдс» не играет. Нация трудоголиков. Мне же пора домой. Правда, домом мое место жительства назвать сложно — маленькая квартирка в двадцать два квадратных метра в районе префектуры Осима, без отдельной кухни, без отопления (в Японии вообще нет центрального отопления).

Потянувшись, я выключаю компьютер, и тут меня охватывает паника. Воздух в комнате замирает, звуки из приоткрытого окна пропадают, волосы на теле встают ды-

¹ Джордж Сорос и Уоррен Баффет — известные финансовые спекулянты.

² Чужак-иностранец (*яп.*).

бом. Я задыхаюсь, а снизу, через все здание идет волна дрожи, сопровождаемая гулом сирен и грохотом разрушений. В дилинге поднимается паника, банкиры ныряют под столы, а комната качается все быстрее и сильнее. Мониторы падают на пол, со стены рушится Доска почета.

Землетрясение! Да еще какое сильное. Я вслед за японцами кидаюсь под стол. От потолка начинает отваливаться плитка, срабатывает пожарная сигнализация, и на нас льется вода. За окном слышны хлопки и взрывы, страшный грохот и душераздирающие крики. Тряска немного затихает, после чего возобновляется с новой силой. Я с ужасом гляжу на стену, на которой висели портреты членов правления банка. По ней змеится натуральная трещина. Испугавшись, вскакиваю и на негнущихся ногах, балансируя руками, пытаюсь идти к лестнице. Коллеги вслед мне кричат:

— Теиши!¹

Какое тут стой! Тряска кидает меня на пол, и я, обсыпанный строительной пылью, на четвереньках ползу к открытой двери. Еще мощный удар, с потолка отлетает кусок плитки и бьет мне прямо в висок. Вспышка, темнота.

Ах какая пытка! Правый висок просто разрывается от пульсирующей боли. Я с трудом разлепляю глаза. Все тело ломит, во рту вкус крови. Я лежу в большой комнате с высокими потолками в виде перекрещивающихся стропил. На дворе день, солнце светит, птички поют. Скосил глаза вправо — каменная стена, обшитая материей с живописной вышивкой. Красные цветы, зеленый дракон, обвивающий гору. А что у нас слева? Окна в форме бойниц, стекол нет — лишь распахнутые деревянные ставни.

¹ Стой (яп.).

Впереди традиционная японская раздвижная стена из бамбука и бумаги — сёдзи. Я потрогал пол — и тут все «без сюрпризов». Классическое татами из рисовой соломы. Пора переходить к личному осмотру. Вернее, к ощупыванию. Так, голова у меня перевязана, потрогать раненый висок не удастся, а вот выше рука натывается на обритый лоб. В чем дело?! Мне делали трепанацию? А почему я тогда не на больничной койке, а лежу на полу, укрытый шелковым одеялом? Рука идет дальше и... натывается на косичку. В жизни хвостов из волос не вязал. Что-то явно не так. Меня начинает бить легкая дрожь. Я откидываю одеяло — и тут меня конкретно накрывает. Тело не мое. Ну то есть совсем ни разу не мое — желтоватая кожа, безволосое, мускулистое. Я оттягиваю край фундоси — набедренной повязки, похожей на стринги. Слава богам, это тело мужчины, японского, но мужчины — все признаки на месте. Однако паника не унимается, дрожь продолжает бить мое новое пристанище. Я точно помню, что буквально совсем недавно был двадцати трех лет от роду, молодым белым парнем. Русский, европеоид, не состоял, не служил, не привлекался. Потом землетрясение в Токио. Дальше какой-то провал в памяти. И вот я тут — непонятно где, непонятно в ком.

Так, стоп, даю команду себе. Воспользуемся японским методом успокоения. Беру дыхание под контроль — глубокий вдох с выпячиванием живота. Задержка, глубокий выдох. И еще раз. Через минуту прихожу в себя. Опираюсь на татами, пошатываясь, встаю. Накатывает тошнота, как при контузии или сотрясении мозга, но еще несколько правильных вдохов и выдохов — меня окончательно отпускает. Ноги сами несут мое новое тело к окну. И что я вижу?

Цензурно не выразиться. И не надо. Ругаюсь родным русским матом.

Передо мной открывается вид из окна замка. Натурального, средневекового. Каменные стены, донжон в виде пагоды, черепичные крыши, какие-то постройки внутри двора, садик, в котором ходят маленькие фигурки. Я прищурился — точно, японцы. Кимоно и выбритые лбы с косичками можно различить даже сверху. А еще заткнутые за пояс мечи. Да что происходит-то?! Кино, что ли, снимают? Я двинулся к другому окну.

Тут тоже был еще тот видок. Террасы рисовых полей, залитых водой, в которых копошатся раздетые крестьяне. Поля разделены напололам дорогой, которая упирается в ворота замка. По дороге скачет отряд человек сорок на лошадях. За каждым всадником закреплен прямоугольный флажок фиолетового цвета. Реконструкторы, наверное. Просто японцы выехали на природу пожить жизнью предков. Да, именно, очень натуральная реконструкция под старину.

Голова пошла кругом, в ногах появилась слабость. Я навалился грудью на подоконник, но продолжал вглядываться в окрестный пейзаж. Электрических столбов нет, машин нет. Асфальт на дороге? Нет, обыкновенная грунтовка. А что у нас в небе? Пусто. Ни летящих самолетов, ни белых инверсионных следов. Это что же происходит-то?!

Мозг отчаянно искал объяснения, но не находил.

Я вернулся на свое место — и только сейчас заметил у торцевой стены небольшой помост, на котором лежало несколько подушек и стояло какое-то чучело. Приглядевшись, я понял, что это не чучело, а средневековые доспехи. Шлем с рогами и демонической личиной, наплечниками, панцирь, наручи, поножи, что-то вроде бронированной юбки. В середине панциря искусно выгравирован круг с двумя параллельными прямыми внутри. Рядом с доспехами на специальной подставке лежали два меча. Длинный, сантиметров девяносто, в черных, украшен-

ных серебром ножнах — классический японский катана. Маленький, сантиметров сорок — вакидзаси.

Руки прямо зачесались, и, несмотря на шум в голове и пульсирующую боль в виске, я зашел на помост. После чего с некоторой робостью взял длинный меч, вытащил его из ножен... и тут меня опять переклинило. Откуда только взялись силы? Тело само сделало шаг вперед, еще один, обе руки обхватывают рукоять, локти разведены, делаю прямой рубящий удар сверху вниз, быстрый шаг назад левой ногой диагонально влево, клинок огибает траекторию, напоминая букву «V». Кончик меча оказывается на уровне солнечного сплетения, с шагом правой ноги вперед наношу прямой укол в воображаемый корпус противника. Все это неожиданно для меня сопровождается громким криком «То!».

За сёдзи раздается ответный крик «Фуан!¹», и в комнату врываются четыре самурая в фиолетовых кимоно, с обнаженными мечами. Я чувствую нереальность происходящего, сила, наполнявшая организм, пропадает, новый взрыв боли под черепом, роняю меч — и мое новое тело валится с помоста вниз головой.

Глава 2

БЕЗ МЕНЯ МЕНЯ ЖЕНИЛИ

В случае победы — правительственные войска, в случае поражения — мятежники.

Японская пословица

Медленно и долго я выплываю из темноты обратно. Первым очнулось обоняние. Мой нос чует запах корицы, мяты и еще каких-то лекарственных трав. Вторым про-

¹ Тревога (*яп.*).

снулось осязание. Руки-ноги на месте, голова болит, но умеренно. В районе виска чувствую ноющую рану. Наконец прорезался слух. Слышу тихую японскую речь у себя в изголовье. Слова вроде бы знакомые, но узнаются с трудом. Такое ощущение, что я учил упрощенный, «народный» японский, а сейчас попал в аристократическую среду с архаичными местоимениями, учтиво-вежливыми выражениями. Все эти «ватакуси», «аноката», «доната» перемешиваются у меня в голове, создавая какую-то какофонию. Но постепенно все устаканивается, и потихоньку я начинаю понимать местный язык. Беседуют три человека. Двое мужчин и одна женщина. Один голос явно принадлежит пожилому человеку, второй — судя по терминологии, врачу.

Врач:

— Листья мяты и алоэ обладают кровоостанавливающим действием. Как нас учит трактат «Мин тан ту», от ран еще очень хорошо помогают листья хрена васаби, пережженные моллюски и пепел от раковин хамагури.

Женщина:

— Кусуриури-сан, меня беспокоят внутренние повреждения мужа.

Ого! Неужели это про меня? Или тут есть еще раненые? Однако послушаем дальше.

Пожилой:

— Охрана сообщила, что молодой господин делал ката¹ с мечом и упал без сознания.

Врач:

— От ран черепа может нарушаться течение энергии *ки* в организме. Трактат «Яккэй Тайсо»² советует в таких случаях делать восстанавливающее иглоукалывание. Но

¹ Формализованный комплекс упражнений в японских боевых искусствах с четкой последовательностью движений.

² «Великая сила лекарственного канона» (*яп.*).

я не возьмусь ставить иглы от болезней головы. Нужно вызывать медика из столицы. Я бы посоветовал придворного врача Фунэ Сукэхито. Говорят, он пользовал самого господина канцлера.

Пожилой:

— Ага, так тебе Ходзе и пропустят к нам такого человека. Да и не поедет Фунэ в нашу глушь. А если и поедет, то надо ехать через земли Такэды и Ямоноути, и когда в этом случае ждать его в Тибете? Через полгода, год? Будем ли мы все живы к тому времени?

Врач:

— А если кораблем?

Пожилой:

— Надо пригласить христианского священника. Я слышал, что иезуит, который у нас проездом, был доктором до того, как его рукоположили в сан. Сам видел, как ловко он наложил шину на сломанную руку крестьянина.

Врач (оскорбленно):

— Эти грязнули?! Да что могут южные варвары, кроме как пустить кровь больному?..

Женщина (примирияюще):

— Господа, не ссорьтесь, пожалуйста. Мне, кажется, у мужа дрогонули веки.

Вот и все, меня вычислили, пора просыпаться. Я открыл глаза и огляделся. Все та же комната замка, вечер, в окно виден краешек уходящего за горизонт солнца. Рядом со мной сидят на коленях три человека. Девушка-японка лет двадцати, в традиционном кимоно зеленого цвета с золотыми бабочками и широким поясом оби, на ногах — белые носочки. Высокая, сложная прическа с заколками. В руках розовый веер. Красивая. Нежная матовая кожа, карие глаза, алые губы. На щеках ямочки. А фигурка, фигурка-то. Аппетитная! Смотрит на меня с тревогой и нежностью. Справа от нее застыл глыбой на-

стоящий самурай. С седым ежиком волос, косичкой, двумя мечами. И вовсе он не старик, как мне показалось по голосу. Хотя в бороде много седых волос, на вид — лет сорок пять-пятьдесят, одет в коричневое кимоно с вышитым на груди фиолетовым кругом и двумя линиями внутри. Взгляд твердый, уверенный. Перевитые венами руки лежат на мечях. На правой щеке шрам. И последний персонаж этой мизансцены — кругленький толстенький живчик в сером кимоно и накидке, волос на голове нет, мечей тоже, к поясу подвешено несколько мешочков. Судя по запаху — там лекарственные травы. Рядом лежит сумка на ляжке. Внутри видны бумажные конвертики, подписанные иероглифами. Это, стало быть, врач.

Придерживая одеяло рукой, я сел. Троица японцев тут же поклонилась мне. Причем девушка и врач сделали глубокий поклон, прижав руки к татами и коснувшись пола лбом, самурай — тоже отдал низкий и почтительный поклон, но все-таки менее фундаментальный, чем у соседей. Вот за что я люблю японские ритуалы (хоть и ругал их раньше), так это за информативность. Взять те же поклоны. Сразу видно, кто альфа-самец, кто кому обязан или выше по статусу. Ну что ж, пора расставить все точки над «i».

— Кто вы и где я? — спросил я после короткого ответного поклона.

Троица тревожно переглянулась.

— Господин, а вы разве не помните, кто мы? — Седой самурай ожидаемо взял инициативу поддерживать разговор на себя.

— Представьте себе, что нет. — Этот средневековый театр уже начал меня раздражать.

Еще один безмолвный обмен взглядами. В глазах прекрасной японки появились слезы. Вот только женских слез тут не хватало.

— Господин, а вы помните, как вас зовут? — вступил в беседу врач-колобок.

— Что за глупые вопросы, конечно, я... — И тут мой взгляд упал на желтоватые, жилистые руки, которыми я держал одеяло. Ступор. Неужели... я откинул одеяло. Боже, я все еще в теле японца. Меня повело в сторону, но девушка успела подхватить меня с одной стороны, а доктор — с другой.

— И ничего страшного, все в порядке, так бывает, — зачастил врач, — после ушибов головы люди, бывает, теряют память. Это временно, это пройдет. Сейчас мы сделаем настоечку на чернокорне, поставим иголки...

Девушка тем временем взяла колокольчик, что лежал рядом с ней, и позвонила. Сёдзи открылась, и я увидел с обеих сторон дверей бритые лбы двух самураев.

Быстрый взмах веером:

— Позовите мою служанку Юкки! Пусть принесет чаю. Скорее же!

Тем временем седой придвинулся ближе ко мне и заглянул в глаза:

— Господин, вы совсем ничего не помните?!

— Где я? Какой сейчас год? Кто вы? — На меня в очередной раз накатила тошнота и слабость. Хотелось лечь и закрыть глаза.

— Меня зовут Симодзумо Хиро, — представился самурай. — Я генерал и хатомото¹ армии провинции Сатоми. Вы находитесь в столице Сатоми — крепости Тиба. Сейчас пятый месяц сацуки седьмого года Тэнмона.

¹ Обычно переводится как «знаменосец», этот титул традиционно присваивали личным телохранителям военачальника, которые всегда сопровождали своего командира и защищали его на поле боя. Он также присваивался потомкам семей выдающегося происхождения, а также людям, обладающим исключительным мастерством. Хатамото составляли своего рода «мелкопоместное дворянство».

Очень информативно, просто зашибись. Однако если с местным летосчислением — полный пролет, то месяц сацуки показался мне знакомым. Где-то я уже слышал это название. Сацуки, минадзуки... В моей голове щелкнуло, и я вспомнил. Первую неделю пребывания в Японии банк «Мицубиши» оплатил несколько экскурсий по Токио для иностранных стажеров. Императорский дворец, сад Хаппоен, буддийский храм Асакуса — галопом по Европам, однако некоторые факты в моей памяти отложились.

Гид совершенно точно упоминал, что в Стране восходящего солнца деление года на двенадцать месяцев изобрели параллельно с западной цивилизацией. Однако старый японский календарь отставал от европейского на один месяц. Как известно, летом в Японии — сезон дождей. Однако июнь — минадзуки — называется месяцем без дождей. И это странно. Но ничего странного, если сдвинуть все на месяц вперед — на июль-начало августа, когда дожди действительно заканчиваются. До минадзуки идет сацуки — месяц посадки риса. Что, собственно, я и наблюдал в окно замка. Значит, сейчас июнь. Теперь место. Название провинции мне ни о чем не говорило, а вот в городе Тиба я бывал. Вернее, не в самом городе, а рядом. Моя первая «детская» попытка наладить взаимоотношения с коллегами по банку — коллективная поездка в местный Диснейленд. Японцы просто обожают детище Уолта Диснея, а расположено оно на границе Токио, рядом с префектурой Тиба. Фу... мысленно вытер пот со лба — я все еще на главном японском острове Хонсю. Я на Земле. Что-то начинает проясняться, но как объяснить весь местный средневековый антураж? И мое новое тело?! Я кивнул самураю продолжать.

Симодзумо Хиро тяжело вздохнул и продолжил свой рассказ.

С его слов выходило, что я — двадцатитрехлетний Са-томи Ёшихиро, сын дайме Сатоми Ёшитаки, подло уби-того три дня назад. Убили моего «папу» самураи Норика-ты Огигаяцу, дайме соседнего клана. Мы с отцом и ох-ранниками ехали с соколиной охоты, когда из леса вы-скочила полусотня всадников с яри, то есть с копьями, и первым же ударом вырезала немногочисленную охрану. Отец с уцелевшими бойцами остался прикрывать мой от-ход, но я по молодости и глупости полез в схватку, полу-чил удар копьем в шлем. Наконечник копья пробил за-щитную пластину и срезал кожу на виске. Спас Сатоми Ёшихиро охранник, который смог вытащить «мое» тело из боя.

— Дайте зеркало, — хриплым от волнения голосом попросил я.

Девушка еще раз позвонила в колокольчик и отдала приказ. Тем временем в комнату зашли две служанки. Одна пожилая, перевязанная широким красным поясом поверх кимоно, вторая — молоденькая. Обе с подносом. Они поклонились, быстро расставили пиалы, чайник, миски с едой, в которой я узнал традиционную сырую рыбу, соевый соус, рис, морскую капусту, еще какие-то блюда. Врачу подали отдельный чайник, в котором был кипяток. Тот сразу начал крошить туда лекарственные травы из своих мешочков и конвертиков, помешивая де-ревянной палочкой. Я почувствовал сильный голод вмес-те с жаждой и накинулся на еду. При этом я старался есть неторопливо, так как знал, что японцы ценят терпение и сдержанность. Тем более что восточными палочками бы-стро не поешь. В тупик меня поставил суп из морепро-дуктов. В японских ресторанах я обычно просил ложку. Что же здесь делать? Помявшись, я выпил из пиалы жи-жу, а твердые кусочки сгреб палочками сразу в рот. В чай-нике оказался зеленый чай, который пришлось очень

кстати. Мою попытку налить себе самому в корне пресекала «жена». Пока я ел и пил, замковые самураи внесли в комнату зеркало. Это оказался лист полированной бронзы. Я взгляделся в себя «нового». Широкоплечий молодой парень. Рост — примерно метр семьдесят. Узкие карие глаза, широкий выбритый лоб, небольшая косичка из черных волос. Волевой подбородок. Ни усов, ни бороды. Я провел рукой по щекам — щетины тоже нет, хотя, если верить генералу, мое тело три дня пролежало без сознания.

— Как вас зовут? — Я слегка поклонился в адрес девушки, после того как самураи унесли зеркало.

Мой вопрос вызвал слезы искреннего горя, но японка быстро справилась с собой. Справа от меня сидела жена, Тотоми Сатакэ. Уже три года как мы «расписаны», и у меня есть сын — Сатоми Киётото. Мальчику два годика. Я прошу его привести, а тем временем выжидательно смотрю на толстяка. Врача зовут Акитори Кусуриури, причем Кусуриури — по-японски аптекарь. Он был вызван в замок вчера вечером лечить сына дайме от раны головы. Акитори — аптекарь высшей категории, то есть имеет право вести врачебную практику.

Осталось выяснить главное. Какой год на дворе и как я тут очутился?

— Позовите, пожалуйста, христианского священника, — прошу я троицу, — и принесите одежду.

В глазах генерала, жены и врача — искреннее недоумение. А не сошел ли Сатоми Ёшихиро с ума? Но мои просьбы быстро выполняются. Пока ждем иезуита, темнеет. Слуги расставляют по комнате бумажные фонарики тётин. Я заглянул в один. Внутри что-то вроде маленькой лампадки с маслом и фитилем, каркас из бамбука обшит плотной бумагой красного и желтого цвета. Мой интерес к фонарику также не проходит незамеченным.

Аптекарь наливает мне настойку, которую я осторожно пью. Иглоукалывание решительно пресекаю. Приносят одежду. Хлопчатобумажные штаны дзубон, белый пояс и черный т-образный халат, известный в мире как кимоно. Путаясь, надеваю кимоно, повязываю пояс. Самурай дергает щекой, жена опять начинает тихо плакать. Да в чем дело-то?

— Господин, только на похоронах кимоно запахивают на левую сторону, — кланяется мне аптекарь.

Перезапахиваюсь, после чего поднимаюсь на помост и с коротким поклоном беру мечи. Так, только бы не облажаться еще раз. Обнажать мечи полностью, кажется, нельзя, выдвигаю слегка катану из ножен. Проверяю заточку. Бритвы отдыхают. Так, теперь надо правильно экипироваться. Засовываю катану под пояс слева, туда же короткий меч вакидзаси. Судя по одобрительному кивку Симодзумо — все сделал верно. Финальный аккорд — сажусь на подушку на помосте. Все присутствующие делают мне ритуальный поклон.

Тем временем няньки заводят в комнату ребенка. Два годика, на голове детский пушок. Тотоми берет его за руку и подводит ко мне. Беру на руки. Киётото узнает папу, улыбается, угукает. У меня в горле стоит ком. Не отец я тебе, а незванный гость в этом теле. И что случилось с настоящим Сатоми Ёшихиро — даже подумать страшно. Но еще страшнее подумать, что сделает с самозванцем родня Ёшихиро. Ребенка уводят, а в комнате новый персонаж.

Худощавый темноволосый мужчина в оранжевой сутане. В руках четки. На голове выбрита тонзура. Глаза живые, умные. Бородка клинышком. Кланяется по-японски, головой к татами. Все кланяются в ответ, но поклон аптекаря еле заметен, а самурай лишь кивает. От священника ощутимо пахнет потом. Странно, я то-

лько сейчас замечаю, как чисто и свежо в комнате, где мы сидим.

— Коничива¹, — начинаю разговор первым. — Как вас зовут? Откуда вы к нам приехали?

— Коничива, Ёшихиро-сама, — еще раз кланяется священник. — Я — Филипп Родригес. Живу в Кагосиме, это город в княжестве Сацума. Наша христианская миссия здесь проездом, могу я поинтересоваться вашим здоровьем и принести свои соболезнования?

— Спасибо, чувствую себя сносно. Мы все скорбим о смерти отца, — надо как-то поддерживать разговор. — У вас очень хороший японский. Вы португалец?

— Да, сеньор.

— Ваш родной город?

— Синтра.

— О, старая мавританская крепость.

Португалец в шоке:

— Откуда ваша милость знает об истории моего города?!

Наша милость много чего знает. Эйдетическая память — помню практически все, что когда-либо видел. Достаточно разок взглянуть на объект — а в Синтру нас возили на экскурсию в бытность моего летнего отдыха в Испании — все равно что сфотографировал. Есть и минусы у этого явления. Например, считается, что эйдетизм связан с аутизмом, трудностями в установлении социальных взаимоотношений. Вот сейчас мы это и проверим.

— Я хочу поговорить со священником наедине. — Главное — уверенность в себе, и все получится!

Да сколько же они будут переглядываться?! Но приказ есть приказ, и Тотоми, Акитори и Симодзумо молча выходят из комнаты.

¹ Здравствуйте (*яп.*).

— Устед аблас эспаньйол?¹ — Вы бы видели, как вытянулось лицо у священника!

— Конечно, говорю: какой португалец не владеет испанским! Но откуда... как... это просто невообразимо! Сеньор, вы были в Европе?!

Не только был, но и даже успел нахвататься испанских фраз, благо язык простой. Как пишется — так и читается. И наоборот.

— Давайте пока оставим это разговор. — Я подобрался к самому важному вопросу, ради которого пришлось выпроводить местных японцев из комнаты. А то точно оденут меня в смирительную рубашку, если тут ее уже успели изобрести.

— Какой сейчас год по христианскому летосчислению?

— От Сотворения мира или воскрешения Христова?

— Второе.

— Одна тысяча пятьсот тридцать восьмой год.

Тушите свет! Так я и думал. Это прошлое. Я попал в прошлое!.. Вернее, вселился в чье-то тело в далеком прошлом. Все к этому шло. Сначала средневековый антураж комнат, замок, самураи с мечами, отсутствие признаков современной цивилизации. Слишком сложно для розыгрыша или кино. Я закрыл глаза. Сейчас нужно отвлечься, вспомнить что-нибудь хорошее. Что у нас хорошего в шестнадцатом веке было? А ничего! Россия — задворки Европы. Царь Василий Третий совсем недавно присоединил к Великому Московскому княжеству Псков, Рязань и Смоленск. Иван Грозный — еще подросток, правит его мамаша Елена Глинская, вторая жена почившего Василия Третьего. В прошлом году только-только закончили

¹ Вы говорите по-испански? (*Исп.*)

воевать с Великим княжеством Литовским, с Казанским и Крымским ханствами — даже еще не начинали.

В Европе сейчас сильнейшая империя, если не считать османов, — Испания. Владеет Португалией, Нидерландами, огромными колониями в Новом Свете. Держит инков, попеременно воюет с Францией и Англией. Оплот католицизма и инквизиции. В континентальной Европе — начало Реформации. Набирают силу Франция и Англия. Скоро англичане попросят вон испанцев и португальцев из большинства их колоний. Но тут, в Азии, пока очень сильны позиции тех и других. В Китае клонится к закату империя Мин, португальцы уже отхватили себе в аренду Макао, неплохо укоренились на японском острове Кюсю, где основали торговые фактории — в Нагасаки и других городах. Ударными темпами христианизуют население. Возят из Китая шелк, обратно — серебро, на чем делают неплохой бизнес. Некоторые князья и дайме Южной Японии уже приняли христианство.

А что у нас происходит в Центральной Японии? Я мысленно сделал поклон в адрес своего университетского преподавателя истории — Соколова Юрия Петровича. Узнав, что в нашей группе половина студентов учит японский, он не ленился интересно и много рассказывать о Стране восходящего солнца. В Японии началась эпоха Сэнгоку Дзидай — период Воюющих провинций. Все воюют против всех. Сёгуны династии Асикага потеряли контроль над страной, и в результате местные князья сцепились в борьбе за власть. В этой банке пауков выживет три крупнейших экземпляра — их еще потомки назовут «Тремя великими объединителями». Ода Набунага и его преемники — Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу. Сын небольшого военного предводителя из провинции Овари, Ода Набунага последовательно, в течение

двадцати лет, завоюет всю Центральную Японию. А его вассалы Хидэёси и Токугава — закончат дело. Будут уничтожены или подведены под вассалитет все более-менее крупные независимые кланы, коих насчитывается ровно десять штук. Такэда, Хаттори, Икко-Икки, Симадзу, Мори, Тёсокабэ, Уэсуги, Ходзе, Датэ, Имагава. И несчитаное количество мелких родов и князей небольших провинций. По ходу в тело такого князька я и умудрился угодить. ЗА-ШИ-БИ-СЬ!

Глава 3 ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ

Бери зонтик раньше, чем промокнешь.

Японская пословица

Всю эту информацию было трудно переварить сразу, и я решил с ней «переспать». Поблагодарил священника, попросил его оставаться в замке, пообещав продолжить завтра. Позвал слуг. Те принесли белое спальное кимоно, закрыли ставни окон, забрали фонарики, и я лег почитать. Почему не отправился к жене? Уж слишком много на меня сегодня обрушилось. Да и в постели человек сильно раскрывается, а оно мне надо, чтобы Тотоми заподозрила подмену? И так местные смотрят на меня с подозрением. В любом случае с моральной точки зрения — нехорошо. По сути, для японки я — чужой человек. Еще поворочавшись немного и повертев ситуацию так и эдак, я накрылся одеялом с головой и провалился в сон.

Снилась мне узкоглазая японская собака. Всю ночь она охраняла комнату, внимательно принохиваясь, прислушиваясь к посторонним звукам. Мне почему-то было с нею очень комфортно и безопасно.

Но вот настало утро, зачирикали птички. Я проснулся бодрым и здоровым. Голова уже не болела. Я снял повязку, ошупал зашитый нитками шрам на виске — отек спал и заживление шло очень быстро. За окном туман, небо хмурое — собирается дождь.

Пока спал, пришло решение моей проблемы. Вспомнилась сказка о двух лягушках, попавших в горшок со сметаной. Одна перестала барахтаться и утонула. А другая дергалась, дрыгала лапками, пока не сбила из жидкой сметаны твердое масло. Попал я сюда не своим хотеньем, а волей каких-то высших сил, — уж не знаю кто постарался — еще не открытые законы природы, боги... Но нужно барахтаться, утонуть я всегда успею. На родину меня пока не тянет. Я внимательно прислушался к себе — нет, ностальгии по княжеству Московскому во главе с Иваном Грозным я не испытываю. Что он там — медведями любил травить соотечественников? Опричнина, все дела... Спасибо, не надо.

Тоска по родителям есть, и сильная. Поди, убиваются по мне, погибшему во время землетрясения. Девушка моя Наташа тоже небось плачет сейчас. Но что я могу изменить? Ничего. Значит, что? Надо попытаться устроиться тут, в Японии. Благо какой-то задел уже есть. Я даже не про «родственников» — это вполне может стать пассивом, если меня раскусят. Я про то, что тело досталось мне не пустое. Кажется, присутствует мышечная память. Иначе как объяснить мои экзерсисы с мечом, которого в прошлой жизни я ни разу не касался? Теперь мне главное — не напортачить. Продолжаю косить под амнезию.

С этими мыслями оделся, засунул мечи за пояс и вышел из комнаты. Кивнул на поклоны охранников, обул традиционные плетеные сандалии таби и стал спускаться вниз. Четыре пролета — и вот я уже внизу. Что у нас тут? Справа кладовые, слева какая-то комната вроде туалета.

Захожу. Точно, ватерклозет. Деревянный настил с дыркой. Рядом лежит горка сухого мха. Я быстро соображаю для чего. Оправляюсь и выхожу из донжона крепости во двор. Тут все заняты делом — конюхи обихаживают лошадей, слышатся звонкие удары из дымящейся кузницы, на песочной площадке упражняются самураи с деревянными мечами, по стенам ходят лучники... Мое появление не остается незамеченным. Все прекращают работу, упражнения и низко кланяются. Кланяюсь в ответ. Ко мне спешат генерал и жена. Жена сегодня одета в синее кимоно с серебряной вышивкой. Сложной прически уже нет — волосы просто забраны наверх. В руках белый бамбуковый зонтик.

— Доброе утро, Ёшихиро-сама, — улыбается мне Тотоми, — вы хорошо выглядите.

— Вы, Тотоми-сан, выглядите еще лучше. Сама свежесть и красота. — От моего комплимента девушка заделась.

— Как ваше самочувствие, господин? — Хиро, напротив, был хмур и явно чем-то озабочен.

— Спасибо, хоро...

Разговор прерывается криком. Я оборачиваюсь и вижу, что к нашей группе бежит растерзанный самурай. Вокруг меня тут же собирается кольцо охраны, но бегущий человек и не думает нападать. Он падает в ноги и начинает униженно кланяться. Я разглядываю самурая, и мое недоумение растет. Все японцы, которых я тут видел до сих пор, включая слуг, — чистюли. Опрятно одетые, вымытые, бороды подстрижены... Этот же рыжеволосый парень — прямая противоположность. Серое кимоно испачкано и разорвано на груди, голова грязная, лоб не выбрит, косичка завязана небрежно, по щекам текут слезы. Самураи тоже плачут?! Вот уж не думал.

— Пошел прочь, деревня, — толкает ногой генерал распростертого самурая.

— Пойдите, — останавливаю я порыв охраны убрать парня с глаз долой. — Чего он хочет?

— Сэппуку¹ просит разрешения сделать, — презрительно сплюнул Симодзумо. — Этот ксоо² не уберег вашего отца Сатоми Ёшитаку. Наш господин оказал огромную честь этому куску дерьма, поднял из грязи, дал два меча, а он как был деревней, так ею и остался. Он недостойн чести совершить сэппуку. Отправьте его, господин, в деревню эта³.

— Как тебя зовут? — обратился я напрямую к парню.

— Вы не узнаете меня? Я — Мисаки Мураками, господин, — уткнулся в пыль головой «писатель».

Здорово встретить знакомую фамилию. На меня прямо чем-то родным повеяло.

— После удара копьем я потерял память, — стал я импровизировать. — Ты охранял моего отца?

— Да, нет... Начальник охраны погиб вместе с Ёшитакой. Я — замковый мацукэ!⁴ Я очень виноват, что не уберег вашего отца, мне нет прощения, — зачистил парень. — Но господин Ёшитака меня не послушал. Я предупреждал...

— Мисаки — глава всех шпионов Сатоми, — шепнула мне на ухо Тотоми. От запаха ее духов — жасмин? сандал? — у меня слегка закружилась голова

— Отмыть, накормить, привести ко мне... — Тут я слегка запнулся, пытаюсь вспомнить японскую времен-

¹ Японское ритуальное самоубийство.

² Отходы жизнедеятельности (*яп.*). Ругательство.

³ Каста париев в феодальной Японии. К ней причислялись люди, занимавшиеся «нечистыми» (согласно буддийским канонам) профессиями: убой скота, снятие и выделка шкур и др.

⁴ Придворный шпион (*яп.*).

ную шкалу, благо она местами до сих пор используется в современной Японии — ...В час обезьяны¹. Сэппуку совершать запрещают. А я пока тоже приму ванну и перекушу...

Я огляделся в поисках банного домика. Замок Тиба состоял из двух внешних ярусом, каждый окружен стенами со вспомогательными башнями, в центре внутреннего двора возвышался большой белокаменный донжон в виде японской пагоды.

Кроме хозяйственных построек — кузницы, конюшен и зданий, которые я идентифицировал как казармы, — обнаружился и миленький садик с несколькими павильонами. Туда-то я и направился. Моя свита двинулась за мной.

— Кто вынес меня из боя? — решил поинтересоваться я у генерала, пока мы шли.

— Эмуро Ясино, — догнал меня Хиро. — Позвать его?

Я кивнул.

— Господин, много новостей. Сегодня утром прилетел голубь из Итихары...

Заметив мой вопросительный взгляд, генерал пояснил:

— Это столица провинции Кадзуса, которую ваш батюшка пожаловал своему брату Сатоми Ёшитойо. Ваш дядя объявил мобилизацию в день суйё-би².

— А сегодня какой день? — Я себе в памяти сделал зарубку разобраться с системой названий дней недели.

— Гэцүё-би³, разумеется... — Хиро украдкой посмотрел на меня и тяжело вздохнул.

¹ С 15 до 17 часов.

² Среда. В Японии дни недели было принято именовать по видимым небесным объектам. Воскресенье — Солнце, понедельник — Луна, вторник — Марс, среда — Меркурий, четверг — Юпитер, пятница — Венера, суббота — Сатурн.

³ Понедельник.

Тем временем мы пришли в садик, который оказался очень японским: маленький ручеек, впадающий в пруд, покрытый лилиями; горбатый мостик, украшенный фонариками; дорожки из песка и гравия, выложенные камнями необычных очертаний; множество небольших деревьев, в основном хвойные — миниатюрные сосны и туи, а также я заметил пару ив и кленов. Между деревьями — аккуратно подстриженные кустарники. Внутри сада стояли две постройки. В одной я узнал традиционный чайный домик с верандой, а другая, судя по приглашающему поклону жены, оказалась баней.

— Генерал, вы не составите мне компанию? — махнул рукой в сторону павильона.

У японцев не такие представления о стеснительности, как у европейцев. Вполне нормальным считается париться голым в одной горячей ванне с незнакомцами, в том числе разнополыми, публично мочиться или испражняться, а в современной Японии веб-трансляции родов со всеми подробностями недавно стали весьма популярным жанром. Я подумал, что за пятьсот лет мало что изменилось, и генерал поймет меня правильно.

Так и случилось. Симодзумо помялся немного, но потом начал развязывать пояс кимоно. Окружение поспешило оставить нас вдвоем. Мы разделись и зашли внутрь домика. Там нас ждали два банщика, больше похожих на огромных сумоистов. Толстопузые, мясистые, с мощными руками. Они поклонились, посадили нас на бамбуковые скамейки и начали намыливать. Я без смущения разглядывал жилистое тело генерала. Настоящий воин — ни грамма жира, несколько шрамов и отметок от ран. И странная татуировка на груди — голова рычащей собаки. Вымывшись, мы с Хиро залезли в огромную бочку, наполненную горячей водой, почти кипятком, и продолжили разговор.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ ЭПОХИ ВОЮЮЩИХ ПРОВИНЦИЙ

Названия дней недели

понедельник — гэцүё-би

вторник — каё-би

среда — суйё-би

четверг — мокуё-би

пятница — кинъё-би

суббота — доё-би

воскресенье — нитиё-би

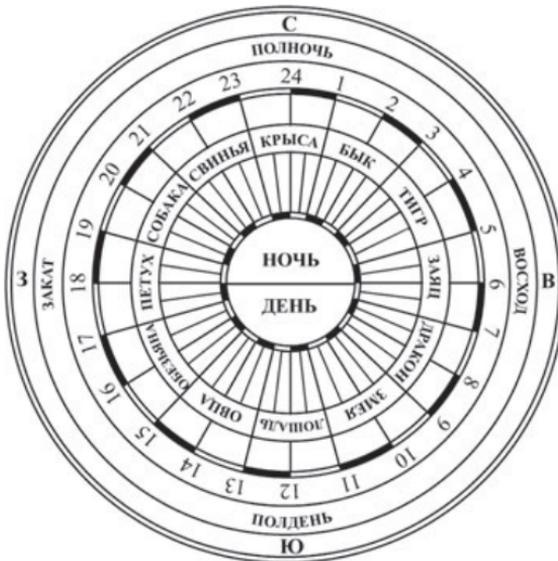
Названия месяцев

<i>Месяц</i>	<i>Современное название</i>	<i>Старое название</i>	<i>Значение</i>
Январь	Итигацу	Мицуки	Месяц гармонии
Февраль	Нигацу	Кисараги	Месяц, когда носят больше одежды
Март	Сангацу	Яёй	Месяц роста
Апрель	Сигацу	Удзуки	Месяц дейции (унохана)
Май	Гогацу	Сацуки	Месяц посадки риса
Июнь	Рокугацу	Минадзуки	Месяц без дождей (1)
Июль	Ситигацу	Фумидзуки	Месяц литературы
Август	Хатигацу	Хадзуки	Месяц листвы
Сентябрь	Кугацу	Нагацуки	Длинный осенний месяц

Продолжение

Месяц	Современное название	Старое название	Значение
Октябрь	Дзюгацу	Каннадзуки	Месяц без богов (2)
Ноябрь	Дзюитигацу	Симоцуки	Морозный месяц
Декабрь	Дзюнигацу	Сивасу	Месяц бегающих священников (3)

Названия часов

Японская система мер

ЯПОНСКИЕ МЕРЫ ДЛИНЫ

Мера	Величина	Метр	
бу		1/330	3,03 мм
сун	10 бу	1/33	3,03 см

<i>Мера</i>	<i>Величина</i>	<i>Метр</i>	
сяку	10 сун	10/33	30,3 см
кэн	6 сяку	20/11	1,81 м
хиро	6 сяку	20/11	1,81 м
дзё	10 сяку	100/33	3,03 м
тё	36 дзё = 60 кэн	1200/11	109 м
ри	36 тё	43200/11	3,927 км

ЯПОНСКИЕ МЕРЫ ПЛОЩАДИ И ОБЪЕМА

<i>Мера</i>	<i>Величина</i>	<i>Величина(ы) СИ</i>
1 го	= 1/10 цубо	= 33,058 дм ²
1 дзё	1/2 цубо	1,65 м ²
1 цубо	= 10 го = 1 кэн ²	= 3,3058 м ² (400/121 м ²)
1 унэ	= 30 цубо	= 99,174 м ²
1 тан	= 10 унэ	= 991,736 м ² = 0,099 га
1 тё	= 10 танам	= 9917,36 м ² = 0,992 га

ЯПОНСКИЕ МЕРЫ ОБЪЕМА

<i>Мера</i>	<i>Величина</i>	<i>Литр</i>
го		≈ 0,18039
сё	10 го	≈ 1,8039
то	10 сё	≈ 18,039
коку	10 то	≈ 180,39

ЯПОНСКИЕ МЕРЫ ВЕСА

1 фун		= 375 мг
1 моммэ	= 10 фунов	= 3,75 г
1 кин	= 160 моммэ	= 600 г
1 кан	= 1 000 моммэ	= 3,75 кг

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	6
Часть вторая	151
<i>Некоторые сведения из эпохи Воюющих провинций</i>	309